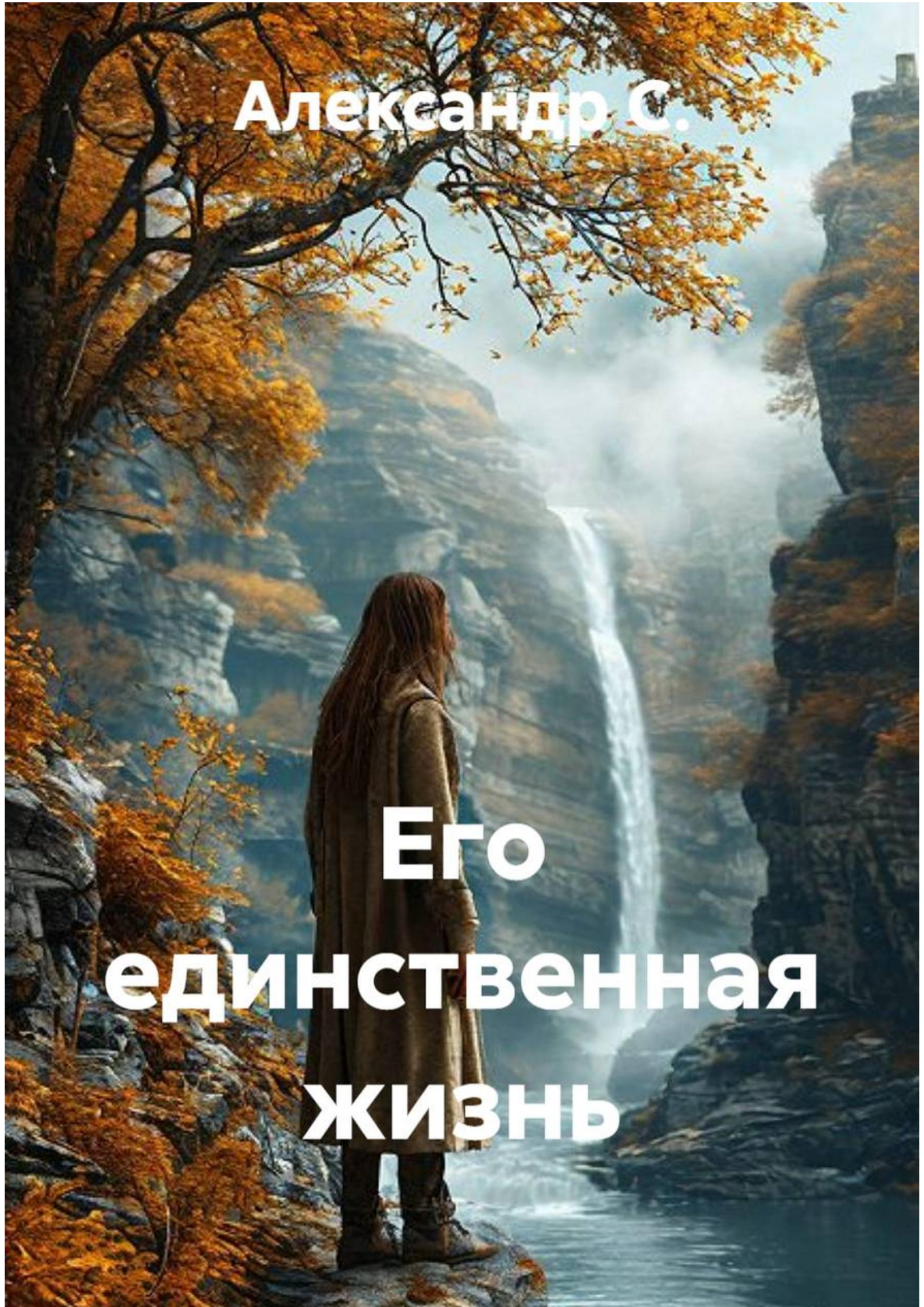

A woman with long brown hair, wearing a long, light-colored coat and dark boots, stands on a rocky outcrop. She is looking towards a large, powerful waterfall cascading down a steep, rocky cliff. The surrounding forest is in autumn, with trees displaying vibrant yellow and orange foliage. The scene is misty and atmospheric, with the waterfall creating a spray of white water at its base. The overall mood is contemplative and serene.

Александр С.

**Его
единственная
жизнь**

Александр С.

Его единственная жизнь

«Автор»

2025

С. А.

Его единственная жизнь / А. С. — «Автор», 2025

Каждая жизнь единственна. Каждая жизнь - это пьеса, в которой ты и исполнитель главной роли. Каждая жизнь - это роман, в котором ты и автор, и главный герой. Каждый человек может написать книгу, если это книга о собственной жизни, даже в том случае, если это будет его единственная книга.

© С. А., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Начало, которого могло не быть.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Александр С.

Его единственная жизнь

Начало, которого могло не быть.

Его всегда поражало, как ему удалось родиться. Казалось, у него не было шансов. Его родители родились и жили в удаленных друг от друга городах огромной страны. Отец мог погибнуть во время войны, когда его часть попала в окружение и в живых остался только он с двумя товарищами. Мать чудом не ушла под лед Ладожского озера, когда они с бабушкой эвакуировались из блокадного Питера. Да и после войны они жили в разных городах и встретиться могли только чудом. Вероятность их встречи была почти нулевой, но всё-таки чудо произошло. Они встретились и через месяц поженились.

А потом у отца на работе случилась авария. На ТЭЦ, где он работал теплотехником. Паровой котел вышел из строя, и, пока его отец, молодой и амбициозный инженер, пытался разобраться, в чем дело, котел взорвался. По всем раскладам он был на волосок от смерти, но чудом выкарабкался, потеряв часть волос и зубов. Но именно это обстоятельство и было главным, что спасло его отца от долгого и мучительного путешествия в места не столь отдаленные.

Удивительное дело — ему всё-таки удалось появиться на свет. Вопреки времени, месту и обстоятельствам. Через два года после той страшной аварии. Через шесть лет после той ужасной войны. В классической советской семье начала пятидесятых. Отец — инженер, мать — врач: что может быть обычнее и привычнее для того времени и того места? Ленинград, коммунальная квартира на Васильевском острове, мама, папа, две бабушки и тётка, а в центре он и его единственная жизнь под их заботливым приглядом.

Рассказывают, что он так спешил в этот мир, что родился на пару месяцев раньше срока и первые недели провел в специальном боксе для новорожденных. К радости родных и близких, ему удалось выбраться оттуда живым, однако не без последствий. Первые годы жизни он был слаб, худ, непрерывно болел и поздно начал ходить.

Его называли Александром, хотя могли бы назвать Иосифом в честь деда сгинувшего в сталинских лагерях. Но воспротивился отец. Он, якобы не хотел, чтобы сына звали Оськой, но мне кажется, что причина была несколько иной. вполне понятной тем, кто жил "в те баснословные года.

Воспоминаний о первых пяти годах у него почти не сохранилось. Ни горячий песок на берегу Финского залива, в который зарывали его слабые ножки (рекомендация врача), ни уютный литовский городок Зарасай, куда они всей семьей приезжали летом, не оставили в его памяти почти никаких следов. От Зарасая осталась в памяти пара-тройка следов: озеро, которое казалось огромным, и большая старая лодка, на которой отец катал его время от времени.

Коммуналка в Питере запомнилась намного лучше. В их большой комнате с окнами на Средний проспект жили, кроме него, мама, папа и одна из бабушек. Другая бабушка жила в комнате рядом, а еще в одной — тётка из Могилёва, старая дева, странная и одинокая.

Запомнились соседи: лысоватый дядечка средних лет, некто Аренков, которого почему-то считали «аферистом», высокая старая дама с папиросой, ее уважительно называли «**инженером**», да женщина со взрослой дочкой, красавицей и модницей. Наверное, были и другие, но они бесследно исчезли из его памяти.

Летом, когда открывались окна, с улицы доносилось множество звуков: тревожные звонки трамваев, сердитые автомобильные гудки, скрип ворот и проч., проч., от чего улица казалась ему дышащей, весёлой, живой.

Еще интереснее были прогулки с бабушкой. Первый, кого они встречали, был толстый и важный дворник в белом фартуке. Обычно он сидел у ворот на скамеечке и зорко вглядывался во всех входящих и выходящих. Знакомым он приветливо кивал, незнакомых оглядывал с головы до ног: только много позже юный Санечка узнал, что на дворниках лежит важная обязанность высматривать крамолу и докладывать куда следует.

А за воротами начиналась веселая уличная жизнь. Трамваи, автобусы, грузовики, легковушки двигались стадами от перекрестка к перекрестку и непрерывно гудели. Звуки были разные: сердито-нетерпеливые («Пошевеливайся!»), зазывающие («Садись, прокачу!»), предупреждающие («Поберегись!»), но особенный восторг вызывали у него сирены пожарных машин, с боем берущих пересечения улиц.

С проспекта, называемого Средним, он с бабушкой переходил на линию номер 7, постепенно двигаясь к Малому проспекту. В отличие от проспектов, линии в то время были почти безлюдны, да и машины проезжали редко. Ему становилось скучно, он начинал ныть, имитируя усталость, и бабушка сажала его в коляску. Впрочем до заветной цели, садика на углу Малого оставалось не так много.

Там его уже ожидала песочница. Ведерко, формочки, совок и всё в этом роде. А еще лужи, в которые так интересно топтать ногами, так что брызги грязной воды разлетаются во все стороны. Кроме песочницы и луж в его поздних воспоминаниях и снах всегда всплывала старая церковь, в то время превращенная в склад чего-то там.

Стены церкви могли многое рассказать о ветхости и заброшенности, но в детстве его занимало совсем не это. Иногда дверь храма была открыта, и ему удавалось заглянуть внутрь. Но, увы, там не было ничего, кроме каких-то уродливых ящиков, плохо контуры которых с трудом удавалось различить в темноте. И ощущение некоей тайны не покидало его. Он никак не мог понять, зачем для этих ящиков было выбрано столь причудливое строение с башенками, крестами и странной картинкой над входом.

Впрочем, многое из раннего детства он почти не помнил. Разве вот удивительный велосипед о трех колесах, на котором он учился ездить во дворе-колодце, бутерброды с красной икрой, автобусы с намощенными лбами над лобовым стеклом. Или странный деревянный ящик с маленьким экраном посередине, который внезапно появился в их комнате и который взрослые называли **телевизором**.

С тех пор в их большой комнате стали по вечерам собираться соседи. Ящик включался, окошко в нем начинало светиться, и в маленьком том окошке какие-то взрослые дяди и тети рассказывали о том, что происходит в мире, или играли на разных инструментах. Впрочем, всё было взрослое и очень скучное. В ту пору он вообще не понимал, о чем взрослые разговаривают. За столом часто обсуждали соседей, к примеру Аренкова. Говорили, что у него есть машина и лача, но он, понятное дело, «аферист». Но кто такой «аферист», он не понимал. Профессия, что ли, такая? Что такое профессия, он к четырем годам уже знал: это то, что делают на работе, куда ходят каждый день. На какую работу ходят аферисты и чем они там занимаются, ему никто не хотел объяснять.

Но это было бы еще полбеда. Иногда взрослый разговор за столом становился всё громче и громче и вдруг переходил в крик. Кричали все, да так громко, что он не мог разобрать ни слова. А потом крик переходил в плач, но плакала обычно только мама, и тут ему и самому было не удержаться от плача, и он начинал громко реветь, размазывая слезы маленькими своими ручонками.

Такие сцены повторялись не столь часто, но хорошо запоминались. Равно как и скандалы на коммунальной кухне, где крик стоял такой, что было слышно в их комнате. Но к этим крикам он относился спокойно, благо ни папа с мамой, ни обе бабушки в этом действе не участвовали.

А вообще то в те ранние годы его больше интересовали *кубики*. Он мог возиться с ними весь день. Собирать и разбирать. Строить и разрушать. Подбирать их так, чтобы на каждой

стороне построенного из них большого куба была картинка. Одним словом собрать то, что ныне называется **пазлом**. Но в его детстве пазлов еще не придумали, как не придумали множества других новейших игрушек.

Он помнил себя тихим маленьким мальчиком лет четырех от роду, который не доставлял взрослым особых хлопот. Дома сидел на полу и молча играл с кубиками, на улице возился в песочнице. Ну разве что плохо ел и часто болел, но это не в счет. Года в четыре он понял, что он — это он, и у него есть родители, бабушки и тетка, и они в нем души не чают и на него дышать боятся. Именно тогда начало его единственной жизни окончательно состоялось, всему прочему ещё предстояло быть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.